

Да и лицо Пань Шихоу в этот момент выглядело ничуть не лучше, чем у его сына. Хотя Ли Суй уже помог ему подняться с земли, а сын остался жив, губы старшего Пань все еще дрожали, и он спросил с недоверием:

— Что значит... что значит «это ты»? Ты и впрямь связался с Демоническим культом?

— Да... нет, нет, я не... — бессвязно бормотал Пань Цзиньхуа охрипшим, пересохшим голосом.

— Они приходили ко мне много раз, и я ни разу не соглашался! Только в этот раз, в этот раз...

Ли Суй закончил за него:

— А в этот раз твоя ненависть ко мне оказалась так сильна, что ты сговорился с Храмом Фэньхо, пожелав моей смерти?

Глаза Пань Цзиньхуа налились кровью, а бледное, точно у призрака, лицо исказилось от злобы и обиды. Его грудь тяжело вздымалась. Казалось, он готов выкрикнуть лавину слов, но плотная, удушливая жажда убийства, заполнившая комнату, заставила его сдержаться и проглотить все возражения.

Пань Шихоу замахнулся и отвесил сыну звонкую пощечину. Вне себя от ярости, он закричал:

— Ты что, с ума сошел?!

Щека Пань Цзиньхуа мгновенно вспыхнула красным, из уголка рта потекла струйка крови, а в голосе зазвучала чистая ненависть:

— Если бы ты вечно не сравнивал меня с ним, разве переманил бы меня Храм Фэньхо?!

— Мерзавец! Ты еще смеешь оправдываться! — взревел Пань Шихоу.

От ярости он совсем потерял голову. Не найдя в комнате ничего подходящего, он выбежал во двор, схватил метлу, вернулся и принялся нещадно колотить сына, осыпая его проклятиями и называя непокорным выродком. Слуги во дворе, не понимая, что происходит, перепугались до смерти и боялись издать хоть звук.

Ли Суй поднялся и направился к выходу.

— Дорогой племянник! — Пань Шихоу бросил метлу и поспешил за ним, моля о пощаде. — Я непременно проучу Цзиньхуа как следует и во всем досконально разберусь. Умоляю, прояви великодушие, пощади его!

Ли Суй прекрасно понимал, что вся эта показательная порка устраивалась исключительно для него, но не собирался копать глубже. Что же касается Пань Цзиньхуа — связывался ли он с Демоническим культом давно или же действительно оступился лишь однажды под влиянием минутного порыва, — его личность уже была раскрыта. А пешка, вышедшая из игры, не представляла особой ценности ни для него самого, ни для Читяня.

...

Солнце постепенно клонилось к закату.

Чжу Яньинь сидел за столом, перед ним стояла чашка остывшего чая.

Вопреки ожиданиям Цзян Шэнлиня, юноша хоть и испугался, но не до такой степени, чтобы у

него подкосились ноги и слугам пришлось нести его в спальню на руках. Напротив, Второй молодой господин Чжу вернулся сам. Его походка все еще оставалась шаткой, но к лицу уже вернулся румянец, и когда Чжу Чжан с Чжу Сяосуем спросили его о прогулке, он совершенно спокойно ответил: «Да так, ходил развеяться за город».

Цзян Шэнлинь не понимал, откуда взялось это внезапное хладнокровие, и осторожно поинтересовался:

— Неужели Второй молодой господин Чжу больше не боится?

Чжу Яньинь залпом осушил три чашки холодного чая и лишь тогда с затаенным страхом признался:

— Боюсь, конечно. Но если Дядя Чжан обо всем узнает, он начнет причитать без конца, а потом еще и наймет несколько десятков охранников. Уж лучше скрыть это.

Цзян Шэнлинь мысленно показал ему большой палец: «Вот это отвага и мудрость, истинная отвага и мудрость!»

На этот раз Чжу Яньинь не видел фонтанов крови, но слова владыки дворца Ли о том, что он «размозжил им головы рукоятью меча», все равно нагоняли ужас. Как назло, небо на улице затянуло тучами, стало совсем темно — то ли к дождю, то ли к пришествию призраков.

Чтобы ночью спать спокойно и не видеть во сне кровожадного владыку дворца Ли, крушащего черепа, он сам попросил у Цзян Шэнлиня снотворное средство и несколько капель успокаивающего цветочного масла, чтобы брызнуть на подушку. А затем спросил:

— Стоит ли мне в ближайшие дни есть больше пшенной каши, пить чай из жимолости, есть молочный пудинг и маш, чтобы успокоить нервы?

Божественный целитель Цзян почувствовал глубокое облегчение: сразу видно благородного молодого господина из Усадьбы Чжу в Цзяннани, умного и понятливого. С таким пациентом у лекаря не будет никаких хлопот.

А вот от другого его пациента можно было просто облысеть.

Цзян Шэнлинь велел слуге принести аптечку и отыскал там нужное масло. Заметив среди снадобий несколько маленьких флаконов из синего фарфора, Чжу Яньинь из любопытства спросил:

— А это что?

— Смертельный яд, — ответил Цзян Шэнлинь.

Рука Чжу Яньиня застыла в воздухе, а затем медленно отдернулась назад. «Зачем хранить яд вместе с успокаивающими маслами? Неужели он никогда не путает флаконы? Они же выглядят почти одинаково!» — подумал он.

Цзян Шэнлинь рассмеялся:

— Да шучу я, никакой это не яд. Это леденцы с акациевым медом. Если кому-то лекарство покажется слишком горьким, я даю пару штук.

— Вот оно что, — облегченно вздохнул Чжу Яньинь. Немного подумав, он достал из комода

небольшую деревянную шкатулку. — Здесь лежат кедровые леденцы «Снежные хлопья». Если господин целитель не побрезгует, можете взять их с собой.

Цзян Шэнлинь сперва хотел отказаться, но вовремя спохватился: сладости из Усадьбы Чжу в Цзяннани наверняка приготовлены на каком-нибудь редчайшем меду, который собирают по крупницам раз в восемьдесят лет. Почему бы и не взять? В конце концов, каждому хочется прикоснуться к роскоши.

В итоге он насыпал полные два флакона.

Цветочное масло подействовало безотказно. Ночью над городом разразился проливной дождь, но Чжу Яньинь спал крепким, беспробудным сном и не видел даже намека на сновидения.

Когда Цзян Шэнлинь вернулся на постоянный двор, от Ли Суя все еще веяло сыростью. Перевязав мокрые смоляные волосы на затылке, он сидел у стола и протирал меч.

Первым делом Цзян Шэнлинь спросил:

— Снова приступ яда?

— Нет, — ответил Ли Суй.

— Ну и хорошо, — вздохнул с облегчением Цзян Шэнлинь. — Что там с Залом Тяньчжу?

— Это Пань Цзиньхуа, — произнес Ли Суй. — Сколько раз я ни приходил в Зал Тяньчжу, вечно заставлял картину, как отец отчитывает сына. Похоже, от такой жизни у парня окончательно поехала крыша, вот он и поддался на уговоры Храма Фэньхо.

— И... ты это так оставишь? — спросил целитель. По правилам Цзянху, за тайный сговор с Демоническим культом провинившийся должен был если не лишиться жизни, то лишиться кожи.

Ли Суй отложил Меч Сянцзюнь:

— У Пань Шихоу только один сын. Пусть он и ничтожество, но нарядить его по красивее и держать дома все же лучше, чем остаться вообще ни с чем.

Цзян Шэнлинь подумал: «Решил ведь пощадить парня, но преподносит это так ехидно и грубо. В этом весь ты».

Очередная порция лекарства уже подоспела. Ли Суй выпил отвар, зажмурившись, и поморщился:

— Почему оно с каждым разом все кислее и горше? Что у тебя за стряпня?

Божественный целитель Цзян хмыкнул:

— Тебе что, еще и изысканный вкус подавай с тонким ароматом?

Ли Суй:

— ...

Цзян Шэнлинь достал из аптечки маленький флакон:

— Попробуй-ка.

Леденцы оказались хрустящими и мелкими, не слишком приторными, с выраженным ароматом кедровых орешков. Ли Суй не отличался терпением, чтобы долго рассасывать их, поэтому принялся с хрустом разгрызать сладости зубами. Очень скоро половина флакона опустела.

— Вкусно? — поинтересовался Цзян Шэнлинь.

Ли Суй лениво откинулся на спинку стула:

— Сойдет.

— Это леденцы от Второго молодого господина Чжу, — пояснил Цзян Шэнлинь. — Там, кроме кедрового меда, наверняка замешан какой-нибудь снежный лотос восьмивековой выдержки или древний дикий женьшень. Съешь еще несколько флаконов, глядишь, и от яда излечишься, и раны затянутся.

— И это так теперь лечат великие целители? — приподнял бровь Ли Суй.

— Раньше было иначе, но теперь — так, — вздохнул Цзян Шэнлинь. — В Усадьбе Чжу даже колеса карет смазывают благовониями. На что еще они способны, нам и представить трудно. Тебе, с твоей жизнью, никогда не понять радостей цзяннаньской знати.

Ли Суй швырнул ему пустой флакон:

— Если ты пойдешь бродяжничать и продавать фальшивые снадобья, то года через три тоже сможешь позволить себе такой женьшень.

Цзян Шэнлинь подумал: «А ведь резонно. Так что сделай милость, поправляйся скорее и не мешай мне ковать богатство на продаже чудодейственных пилюль долголетия».

Слугам Усадьбы Чжу гора Фэнмин очень нравилась — тихое, живописное место, идеальное для восстановления сил. Но ничего не поделаешь: раз целитель уезжает, остальным оставалось лишь следовать за ним. За день до отъезда Дядя Чжан разыскал Цзян Шэнлиня и издали, весьма деликатно поинтересовался:

— Господин владыка дворца Ли ведь не поедет с нами? У него наверняка еще куча важных дел здесь? Ах, какая тяжелая доля! Все-таки жить на постоялом дворе — не дело. Может быть, мы купим для него просторную усадьбу, чтобы ему жилось спокойнее и уютнее?

Цзян Шэнлинь мысленно посочувствовал преданному старому управляющему и с некоторым сожалением ответил:

— Не стоит беспокоиться. Владыке дворца Ли вряд ли нужна усадьба.

— Ну или мы можем отстроить для него новый Дворец Ваньжэнь на вершине горы! — поспешно добавил Дядя Чжан.

Словом, лишь бы этот человек остался как можно дальше от их молодого господина — в таком случае любые расходы обсуждаемы.

Цзян Шэнлинь почувствовал, как у него зазвенело в ушах. «Погодите-ка, что вы собрались отстроить заново?»

Дядя Чжан продолжал смотреть на него с надеждой, излучая исключительное добродушие и сияя ослепительным блеском цзяннаньского богатства.

Это зрелище действительно резало глаза.

...

Вечером, когда Ли Суй узнал, что в обмен на его согласие остаться на горе Фэнмин ему готовы подарить целый Дворец Ваньжэнь, его лицо заметно окаменело. Он привык, что в Цзянху многие его боятся, и никогда не видел в этом страхе ничего плохого. Но в Усадьбе Чжу все было иначе. Помимо обычного страха и трепета, в их отношении сквозило отчетливое пренебрежение — возможно, незаметное для посторонних, но великий владыка дворца Ли ощущал его чрезвычайно остро.

<http://bllate.org/book/18290/1754061>